

— Мам! — сорвалась Вера. — Ты меня совсем не слышишь?

— Я-то тебя слышу, доча. А вот ты меня нет.

Вера с безнадежным отчаянием посмотрела на мать. Бесполезно. Мать упряма как осел. Уж если что-то вобьет в голову — не отступится. Такой характер. Вера, кстати, в нее. Ну что делать? Как донести до нее, что то, чего она требует — ну ладно, просит, — невозможно? Хотя нет, все-таки требует.

Тактика у Галюши такая — все начинается с намеков, грустных вздохов и жалобного поскрипывания. Не срабатывает — начинается вторая стадия. Вера называет ее «братъ на измождение». Доковырять, донять и наконец довести до нервного срыва, до состояния «да черт с тобой, лишь бы отстала!».

Правды ради, такое было всего несколько раз, и речь шла о том, что для Галины Ивановны было серьезным и жизненно важным.

Мать и дочь обожали друг друга и были одни на всем белом свете, но мнения их почти никогда не совпадали. Вера вредничала и противостояла, вернее пыталась противостоять, но, как правило,

побеждала мама, Галина Ивановна. И почти всегда мама оказывалась права.

Предмет нынешнего спора и противостояния, по мнению Веры, был пустяковым, а вот по мнению мамы — куда как серьезным. В не к ночи помянутом родном городе (ха-ха, городе! Помоечном городишке, который Вера ненавидела всем сердцем и всю жизнь старалась забыть. Как и их жизнь в этом чертовом Мухосранске) у них, точнее у мамы, оставалась квартира, полученная от комбината. Эту квартиру мама ждала лет двадцать. Слово «квартира» произносилось с придыханием, негромко, словно говорилось о чем-то сакральном. «Мы на очереди», «нам выделили», «нам выдали», «мы получили». Маленькая Вера отлично помнила и слово «смотровой». Смысл его она не понимала, но чувствовала, что это что-то важное, бесценное, самое дорогое.

Тридцать лет пахоты на комбинате, утерянное здоровье, больные сердце и ноги, астма, заработанная на производстве, тяготы жизни в щелястом бараке, не меньшие тяготы в выделенной спустя девять лет ударной работы комнатухе в перенаселенной коммуналке, и слезы, слезы, слезы. Много лет слезы горя, а потом радости — как же, дождалась, *заслужила*.

Как мама радовалась квартирке, как плакала от счастья! «Дочь, свое жильё, собственное, отдельное!»

Отдельное, да. И собственное. Хотя поначалу не собственное, служебное, выданное от предприятия. Это потом, в перестройку, Горбачев

разрешил приватизацию. Понятно, что из этого дерьма их никто не выселил бы и без приватизации, но когда мама получила гербовую о собственности... Тогда началось — лучше не вспоминать. Она целовала эту бумажку, гладила, любовалась. Это ж как надо было воспитать этих людей, что вбить в их несчастные головы, как убедить, что все это не честно заслуженное и сто лет как отработанное, а подарок, бесценный подарок, незаслуженный приз? А как мама гордилась! Квартиру-то выдали ей, ударнице коммунистического труда, бригадиру восьмой бригады, члену профсоюза.

Когда Вера перевозила маму в Москву, та рыдала как на поминках — прощалась с квартирой. Вера пыталась Галюшу уговорить продать эту квартирентку тогда же — ну зачем оплачивать коммуналку, зачем думать о том, что точно не пригодится? Было же очевидно, что мама, а уж тем более Вера туда не вернутся. Ну как же, сейчас! Продавать квартиру мама решительно отказалась — еще чего. «Не ты заработала — не тебе решать! Ишь, важная стала, решительная! Бизнесменша, подишь ты! Верка, сиди и помалкивай. Ты у себя на работе начальница, а надо мной — нет. Пусть хоть и маленькое, плохонькое, а мое. А вдруг чего? Ну вдруг, а? Вдруг что случится? Это у вас, молодых, память короткая. Какое «вдруг», говоришь? Да любое! Не верю я никому. Жизнь научила. Да мало ли? И все, разговоры закрыты!»

Вера тогда посмеялась: «Да бога ради, мне-то что!» Но неужели мама не понимает, что в этот,

будь он неладен, родной город они не вернутся? Никогда, ни при каких обстоятельствах. Подышать будут, а не вернутся. Да и зачем подышать? У них все прекрасно! А будет еще круче. Вера знает, Вера уверена в себе. Дела идут у нее отлично. И никакого «вдруг и мало ли что» в их жизни больше не будет. Хорошо. Хватит с них и «вдруг», и «мало ли». Свое дерьмо и горести они съели и выпили до самого доньшка. И она, и мама.

В общем, спорить не стала: «Хочешь, чтобы квартира осталась? Пожалуйста! Да и кому нужны эти деньги, смешно! Сколько может стоить двухкомнатная квартирка в городе Энске, за триста верст от столицы, с давно закрытым камвольным комбинатом — единственным, между прочим, местом, где можно было работать и хоть как-то зарабатывать. Крошечная двушка, с советскими выцветшими обоями в желтый цветочек, с урчащим, с коричневой ржавой дорожкой унитаза, треснутой раковиной, стертым линолеумом, разбухшими деревянными оконными рамами и старой самодельной кухонной мебелью, когда-то сколоченной папашей? О господи, какая невыносимая тоска!» Вера поежилась и передернула плечами — брррр!

Все, забыли. А зря — даст Галюша забыть! И, если честно, Веру достали ежедневные разговоры про продажу. Не прошло и ста лет, и Галюша созрела. А раз созрела — вынь да положь. Езжай и продавай, «тем более что ты, Вера, владелица!».

«Владелица... Смешная ты, мамуль! Я, мам, владелица, ага, владелица заводов, газет, паро-

ходов и еще собственности в Энске. Только мне хватает и без газет и заводов — ты знаешь, мам, я не алчная. И хлопот у меня до фига, и проблем. Справиться бы! И никакой я, мамуль, не олигарх, как ты любишь подколоть. И не бизнесменша, а бизнесвумен, это я тебе объясняла. Но ты же упрямая, мам! Заладила — «олигархша» и «бизнесменша», а я и спорить перестала, назови хоть горшком, только в печь не ставь. Хватит с нас, мама, печей. Я, мамуль, просто успешная и небедная женщина, вот как-то так. Я тебя разочаровала? Ты хочешь дочь-олигарха? Но нет, увы, до олигарха я не дотягиваю. И очень этому рада. Нам же хватает, правда, мамуль? На все нам с тобой хватает. Да разве даже в самых сладких, в самых приторных и невозможных снах могли мы мечтать, что все у нас будет? Не, мамуль, не могли. Фантазии бы не хватило. Ты меня редко хвалишь. Ну и ладно, я все про себя знаю и сама себя хвалю. Молодец, говорю, Верка! Умница! Во развернулась! В пот шибает от гордости. Ай да Верка Кошелева, дочка Гальки Кошелевой, бригадирши с камвольного! Верка с разбитыми коленками, с пегой косицей, растрепанная, конопатая, курносая. В блеклом, да что там — страшном, — сарафане, перешитом из бабкиного халата. Верка, в сношенных коричневых сандалиях, страшных, как бабкина, по ее же словам, жизнь. Верка Кошелева, мечтающая о трех эклерах, когда на один не всегда хватало. Копила. Об *эластической* — бабкина интерпретация — водолазке, бьющей острыми искрами, когда тянешь ее через голову. Верка,

мечтающая увидеть Ленинград». В Москве была с классом, правда, коротко и бестолково. Так почти ничего и не увидели. Сходили в Мавзолей с желтой мумией – ребята ржали, а училка, Клавдия Степановна, по прозвищу Конь, потому что топала по коридорам железными набойками, как настоящий коняка, плакала и сморкалась в платочек. Еще посмотрели Красную площадь, Лобное место, прятный игрушечный собор Василия Блаженного с разноцветными главками, в ГУМе поели мороженого – вкусно, хотелось второго, но их увели. Калининский проспект посмотрели, здание СЭВ – да, красиво!.. Правда, в Планетарии были – вот где красота! Верка закинула голову и еле сдержалась, чтобы не пустить от восторга слезу – планеты, луна, звездное небо! Ничего красивее она не видела. В горле чесалось, но заплакать себе не позволила – она же не Клавка-конь. Вот еще – хлюпать носом! Вера гордая и сильная, по крайней мере, так думают одноклассники.

Кошелева защищает слабых и за всех вступается. Она борец за справедливость, и ей доверяют. А она будет хлюпать носом? Нет, никогда.

Москву вроде видела и не видела – так, обзорно. А театры, Третьяковскую галерею? И зачем их повели в Мавзолей? Зачем потеряли кучу времени в этой гробнице? Будь ее воля – ни в жизнь бы туда не пошла, покойников она навидалась.

А про Ленинград и говорить нечего – там вообще сказка. Вера и фильмы смотрела, и фото-

графии видела. Северная Венеция... Вот есть же на свете везучие люди — москвичи, ленинградцы, те, кто там родился. А Вера родилась в вонючем Энске.

Но даже тогда, на экскурсии, пятиклассница Вера Кошелева точно знала — из Энска она уедет. Окончит школу — и тю-тю, поминай как звали. Только бы поскорее! И даже мама ее не останавливает. Только бы время летело побыстрее! Вот проснуться бы утром и — все, школа окончена! Выпускные сданы, форма на антресолях, билет в кармане, прощай, Энск. «А ты, мамуль, не реви — мы скоро увидимся! Не, мам, не здесь, и не надейся! В Москве, мам, в Москве! Мы, мам, будем столичные жители! Это я тебе обещаю, и ты меня знаешь! Только немножечко обожди... Ладно, мамуль?»

Немножечко... Ох, Верка! Какая же ты смешная! Смешная и глупая. Немножечко! Как обычно бывает, жизнь внесла свои коррективы.

— Мам, — проговорила Вера жалобным голосом, — скажи честно, ты от меня не отстанешь?

Галина Ивановна ответила честно:

— Не отстану, дочк. И не надейся.

Понятно. Значит, надо начинать действовать. Сколько могла — тянула, но теперь все, край, больше этого Вере не вынести. И так дел и проблем столько, что порой хочется выть. Но у мамы своя правда, и упрямство, и настырность, и настойчивость, и все через край, в полном объеме. Не отстанет.

С одной стороны, проблема пустяковая, не о чем говорить. Особенно в сравнении с остальными. Вот только времени совсем нет. Значит, поедет не Вера, а ее помощница и верный друг, которой она полностью доверяла. Ее Танюха. Татьяна была человеком надежным, проверенным временем, а главное — деньгами. Партнером она не была, съев пуд соли, от предложенного Верой партнерства отказалась навеки.

Она числилась коммерческим директором на постоянной зарплате, но зарплата была такой, что, еще сто раз предложи ей долю в бизнесе, наверняка бы отказалась.

Зачем ей бессонные ночи, нервные срывы и прочее?

Но, пусть Татьяна не имела доли в бизнесе, переживала она едва ли меньше хозяйки. Во-первых, таким верная Таня была человеком. А во-вторых, они с Верой дружили. К тому же Татьяна, как и Вера, была одинока, ни мужа, ни детей. Так сложилось. И Татьяна считала, что, встретив Веру, вытянула самую счастливую карту. Все у нее было: и хорошая квартира, и прекрасная машина, и тряпки из приличных магазинов, и путешествия — что еще надо одинокой женщине сорока восьми лет?

И любовники у Татьяны случались, вот только от серьезных романов она, как и Вера, бежала. Так нахлебалась, что вспоминать неохота. Привязанностей и обязательств Татьяна боялась, и здесь они с Верой совпали.

Татьяна занималась в компании, по сути, всем — и бухгалтерией, и принятием на работу,

и увольнениями. И разрешением конфликтных ситуаций в коллективе. И поощрениями в виде коротких поездок всей «хиврой», как говорила Вера, и подарками к праздникам. И сопли вытирала брошенным девицам, и одалживала деньги. Веру боялись, а Татьяну нет. Хоть и делала строгое лицо, но все знали: Танечка — человек!

Вера напоминала себе, что есть тончайшая грань между дружбой и службой. Общаться — да, а вот дружить взахлеб, доверяя друг другу сердечные тайны, не стоит. Держалась несколько лет, а потом прорвало, так получилось. Выпила и рассказала. А наутро испугалась — что надела? Теперь все псу под хвост, сядет тихая Таня на шею. Неделю прятала от Татьяны глаза, а потом та пришла к ней и тихо сказала:

— Вер, жалеешь?

— О чем? — глухо спросила Вера, делая вид, что не поняла. — О чем, Тань, жалею?

— Не думай об этом, Веруша, — продолжила Татьяна, — не переживай. Я столько всего повидала. Жизнь научила ценить, что имею, а это главное. Ты мне, Вер, как сестра. Но работа есть работа. Отодвинешь меня — не обижусь. Пойму. Ты столько лет все это строила, столько вложила! Нет, Веруша. Подвоха не жди. Все остается как было: ты — хозяйка, я — наемный работник. Не справлюсь — уволишь. Все остается по-прежнему. Вер, ты меня поняла?

— Не очень понимаю, о чем ты, — кашлянув от волнения, ответила Вера. — Иди, Тань. Дел навалом. И не забудь про завтрашние переговоры.

Было неловко. Ах, как было неловко! Вот что ей, дуре, вошло в голову? Что Таня будет ее шантажировать? Что попросит поднять зарплату? Что расскажет сотрудникам то, чем с ней поделилась Вера? Чушь, ерунда! Стыдно плохо думать о людях! Стыдно, Вера Павловна! А уж тем более про Танюшку! В общем, все оставалось как прежде: вместе ходили в театры, ездили по миру, шлялись по магазинам, и лучшей спутницы, чем Татьяна, было не найти. Уж какой Вера была одиночкой, уж как уставала от людей, уж как сторонилась привязанностей, а от Татьяны не уставала никогда.

Та была сдержанна, ненавязчива и не болтлива. Впечатления держала при себе. Спросят — ответит. Не спросят — промолчит. Но самое главное — Татьяна была кристально честна. Вера не любила вспоминать, какие проверки прошла Татьяна. Противно. Противно, а необходимо — как доверять незнакомому человеку? В общем, идеальная спутница и идеальный работник. Вера ценила, что Татьяна не зарывалась — никогда не просила надбавок к зарплате, даже когда Вера платила копейки.

Утром решила окончательно: в Энск поедет Танюшка. Ей, Вере, это не под силу.

— Тань! — позвонила Вера. — Можешь зайти?

Татьяна появилась через минуту.

— Сядь, — устало кивнула Вера, — чаю выпьем? Тоже не хочешь? Ну да, и я отекаю... Ох, ничего удивительного — сколько мы за день выхлестываем кофе и чая? Слушай, Тань, — Вера запнулась, — дело дурацкое, плевое, а без тебя не справлюсь. Галюша достала.

С серьезным лицом Татьяна кивнула:

— Проси, чего душеньке угодно!

— Если бы душеньке! — усмехнулась Вера. — Так нет, не ей. Другой душеньке, нашей драгоценной Галине Ивановне! В общем, Тань, собственница сказочных хором Вера Павловна Кошелева дает генеральную доверенность Татьяне Владимировне Николаенко. С коей госпожа Николаенко отправляется в город Энск и занимается дай бог пару, не больше, недель продажей апартаментов. За ценой, понятное дело, не стоим, демпингуем и сбрасываем ее за минимум, за сколько возьмут. Только бы побыстрее.

— Вер, — жалобно проговорила Татьяна. — Ты забыла? Я ж в понедельник в больницу. Прости.

— Это ты, Тань, прости, — расстроилась Вера. — Господи, ну как я могла забыть, как? Даже в ежедневник не записала, была уверена, что не забуду. Ну да, в этот понедельник! Ой, Тань! Мне так стыдно...

Татьяна принялась ее успокаивать:

— Брось, Вер, а то я не понимаю! Последние две недели были такими, что ничего в голове не удержишь. А если через месяц? Ну или недели через три? Врачи говорят, что раньше не оклемаюсь.

— Не, Танюшка, не пойдет. Через какой месяц, через какие три недели? Ты что! Разве тебе будет под силу? Нет, дорогая, ты точно нет. Но Галюня взяла за горло. А ты ее знаешь. В общем, надо вопрос закрывать, не отвяжется. И слушать ничего не желает — езжай и продавай! Тань, я бы эти

пятнадцать тысяч долларов ей просто отдала, без всякой продажи! Но Галя держит руку на пульсе — созванивается с бывшими соседками. Не скроешь и не соврешь. И знаешь, что она так активизировалась? Бывшая соседка ей сказала, будут отбирать квартиры, в которых никто не живет. Ну как тебе, а? И главное — не переубедить, ни в какую не переубедить. Соседка главный эксперт по недвижимости и главный законник. «Отберут у тебя, Галька, квартиру, как есть отберут. Ну тебе-то что, ты у нас теперь богачка, у тебя дочь олигарх!»

Вера с Татьяной рассмеялись.

— Я говорю: мам, а с чего? — продолжила, отсмеявшись, Вера. — Покажи мне закон, где это написано! Вот никаких аргументов, а жить не дает! Вдруг, говорит, отнимут? Увидят, что мы не живем, и тью-тью? Или кавказцы заселятся, а потом их не выгонишь. Или того хуже — цыгане! Табор заедет — и все, прощай квартира. Ну ты, Тань, поняла. И соседки звонят и добавляют, пенсионерки, делать-то нечего, вот и верещат: «Ой, Галька, уведут твою жилплощадь!» Ладно, Танюш, — обреченно сказала Вера, — видимо, это судьба. Судьба меня тянет туда, в этот Энск. Никак не дает его забыть. Что делать, сгоняю. Только не на машине, дороги сейчас адовы, пятьдесят километров отъедешь от столицы — и все, кошмар. С водителем тоже не хочу. Размещать его, разговаривать, посвящать во все. И еще не хочу, чтобы кто-то видел, в каком говне я росла. Я дура, да, Тань? Не отвечай, сама знаю. Вот знаешь, — Вера помолчала, — столько лет я в Москве, казалось бы, сама

себя сделала. Как говорится, через тернии к звездам. Сколько прошла — не мне тебе рассказывать. Вместе в окопах. Люблю этот город, привыкла к нему. Знаю неплохо. А вот москвичкой себя все равно не чувствую, представляешь? Все знаю, все переулки исходила, все дворы облазила. В музеях часами торчала, образовывалась. Хотела нагнать и перегнать, наивно думала, что получится. Где вы, московские девочки, умненькие, модные, самодовольные, уверенные в себе? Где вы, высокомерные, образованные, и где я, Вера Кошелева из города Энска? Вот именно. Их-то я победила. А вот себя... А вот себя вряд ли. Так и осталась в душе Веркой из Энска. Так и осталась. Наглой от комплексов, а не от уверенности. И высокомерной от комплексов. Вот такие, Танюша, дела.

Татьяна поднялась с кресла.

— Нормальные дела, Вера. Я тебя понимаю. Все наши комплексы из детства. Банально, но факт. Ну, я пошла? — У двери обернулась: — А может, все-таки меня подождешь?

Вера покачала головой:

— Нет, Тань. Завтра и двину, чтоб поскорее вернуться. К тебе в том числе! А то ты в больнице, а я буду болтаться незнамо где.

Татьяна пожала плечами. Начальник тут Вера. Не ей, подчиненной, указывать.

Билетов в СВ не было. Вера выкупила целиком двухместное купе.

Поезд уходил в три часа дня. Отлично, значит, завтра утром она и соберется — пара свитеров,

запасная пара джинсов, резиновые сапожки и высокие теплые кроссовки. Ну и, разумеется, документы. Документы лежали в сейфе — на этом настояла Галина Ивановна. И смех, и грех — кому они нужны, эти документы на собственность?

В поезде было жарко, и Вера сняла свитер и сапоги. Выдали одноразовые тапки. Ну что ж, спасибо на этом.

Можно было и заказать еду — вагона-ресторана в составе не было, их, кажется, извели за ненадобностью. Еду привозили замороженную, в контейнерах, ну и вкус у нее был соответствующий. Никаких разогретых блюд Вера брать не стала. Заказала салат из овощей, сэндвич с моцареллой и булочки с корицей и еще попросила заварить крепкий настоящий черный чай:

— Надеюсь, такой имеется?

Проводница кивнула.

Через пятнадцать минут сытая Вера лежала на полке и читала покетбук знаменитой детективщицы. Какая она умница, что купила несколько книжек! Будет чем заняться длинными вечерами. Впрочем, отоспаться бы не мешало. Но это было несбыточной мечтой — отсыпалась Вера только десять дней в году, в отпуске, когда, наплевав на завтраки, спала до обеда. Эти десять дней были только ее. Ни Танюшу, ни маму она с собой не брала. Десять дней моря, тишины и одиночества. Это не развлечения, это необходимый релакс. А вот в путешествие ездили втроем: Вера, мама и Татьяна. Италия, Франция, Германия, Австрия — где они только не были! На отдыхе Вера

не экономила, и останавливались они в прекрасных отелях, брали водителя и гида. А зачем тогда зарабатывать, если экономить на своих удовольствиях? И то, что она смогла обеспечить маме такую жизнь, было ее главной радостью и главной победой.

На ночь выпила граммов сто коньяку, для сна и вообще для расслабухи. Назавтра предстояла не самая приятная встреча. Встреча с прошлым, которое она ненавидела.

Вокзал в родном городке перестроили — сколько лет она тут не была? Даже считать неохота. Маму забрала, как только встала на ноги и появилась своя квартира, — везти в съемную не хотела. Забирала ее на машине, вернее на двух машинах. Багажники и салоны были забиты доверху — как Вера ни возмущалась, как ни скандалила, Галина Ивановна была непоколебима — два ковра, добытых с кровью по талонам, несколько кастрюль и сковородок: «Дочк, чугунная, еще свекровкина, ты чего! Картошка, жаренная на ней, — пальчики оближешь, Вер, ты забыла? Сейчас такую не купишь».

Забыла. Очень старалась забыть. Даже хорошее, не говоря о плохом. Правда, хорошего было с копейку.

Прихватила Галюня и хрусталь, дешевый, штампованный, какой же еще. Не оставила в Энске и дурацкий, с дешевой позолотой сервиз, подаренный на юбилей от комбината. С этим Вера

не спорила — память. Хоть и забыть бы надо было этот комбинат как страшный сон. И постельное белье. «Как же, льняное, столько лет собирала!» Жесткое, колючее, неиспользованное Верино приданое.

И цветы в старых кадках: огромный, до потолка, фикус, обнаглевшая и разросшаяся традесканция, щучий хвост и герань. Куда без герани? Мама утверждала, что герань отгоняет мух.

Несколько раз Вера взрывалась и начинала орать. Галина Ивановна криком не отвечала, а, скорбно поджав губы, покорно опускала глаза: «Хорошо, дочк, оставлю. Только тогда и меня здесь оставь, вместе с моими дурацкими цветами. Я с тобой не поеду, ты, Вер, не сердись! Тут, — она обводила рукой собранные тюки с вещами, — вся моя жизнь, понимаешь? Что мне ее, забыть? Зачеркнуть, как не было? А она, Вер, была». — «Лучше бы зачеркнуть, — шипела Вера, — и лучше бы не было. Мам! Ты называешь все это жизнью? Какая же ты непробиваемая!» — «Уж какая есть, — поджимала губы Галина Ивановна. — Могу и тут остаться. Я в твою Москву не стремлюсь — ты меня тянешь. А мне, Вер, и тут хорошо».

Хорошо ей. У Веры падало сердце: «Ага, хорошо! Врагу не пожелаешь. Ладно, мам. Клади свои тряпки». А про себя добавляла: «Все равно потом выкину».

Как же, выкинула! Хрусталь и сервиз стояли в новой Галюниной квартире, в бабкиной чугуновой сковородке, и вправду чудесной, к Вериному приходу жарилась картошечка, выходившая хру-

стоящей, с зажаренной корочкой. Только с красными коврами на стенах Вера справилась, здесь стояла не на жизнь, а на смерть.

Квартиру для мамы Вера купила в своем же доме, повезло. Вера на девятом, в трехкомнатной, Галина Ивановна в двушке на втором. Разумеется, сделала хороший ремонт, купила итальянскую кухню и спальню, румынскую гостиную, мамину мечту: стулья с завитушками и гобеленовой обивкой. Люстры — хрусталь, но не тот, о котором мама мечтала, а европейский, горевший так, что хотелось зажмуриться. Памятный сервиз с золотыми вензелями стоял на переднем плане в витрине на гнутых ногах.

Вера не спорила. Галина Ивановна была счастлива, могла ли она мечтать о таких царских хоромах?

На рынок ездила с водителем, а в магазины ходила сама — развлечение. Тут же перезнакомилась с соседками и часами сидела на лавочке у подъезда. Публика в доме жила интеллигентная: жены военных высоких чинов, врачи, архитекторы. Жилье на Фрунзенской набережной во все годы, включая далекие советские, было престижным.

Первое время Галюня пыталась готовить и для Веры — заносила кастрюли борщей, тазики котлет, торты и пирожки. Вера скандалила и умоляла этого не делать — вечерами она есть отвыкла. Да и днем не всегда получалось. Есть время — сходят с Татьяной в кафе в соседнем доме, нет — секретарь что-то закажет доставкой. А бывало, что времени не было и на чашку кофе.

Но как бы ни раздражалась Вера на мать, как бы ни спорила с ней, как бы ни возвращала ее супы и котлеты, все равно была счастлива — мама рядом, и она спокойна, а все остальное — мелочи и ерунда.

Вера проснулась от деликатного стука в дверь. Проводница предложила завтрак. Вера заказала кофе и йогурт. На часах было шесть. Через сорок минут они прибывали.

За окном мелькали деревушки со знакомыми названиями. Все те же, все то же, почти ничего не изменилось. Кажется, вообще ничего не изменилось. Те же переезды, те же размытые дороги, тот же осевший черный снег. Те же покосившиеся домики под темными крышами, те же кривые заборы. Пожалуй, только магазинчики, обитые сайдингом, стали наряднее, и ассортимент в них другой. Да и внешне март не приукрашивал, март обнажал.

Вера отвернулась от окна и посмотрела на себя в зеркало. Видок еще тот, но приводить себя в порядок она точно не будет — много чести! Ее родина не заслужила.

Она вспомнила, как после своих первых удач приехала в Энск на купленной на собственные деньги машине. Когда это было? В другой жизни. Но впечатление тогда Вера Кошелева произвела. Ого-го как произвела, не пропала Верка в Москве, выжила!

А сейчас? Волосы, забранные в хвост, простой свитер, кроссовки. Короче, видок еще тот. Но как

говорили в детстве — сойдет для сельской местности. А уж для города Энска тем паче.

Поезд замедлил ход, пару раз дернулся и резко остановился.

— Стоянка в Энке шесть минут, — заверещала проводница.

Шесть минут — ого! Какое уважение! Раньше, помнится, больше трех не стоял.

Вера вышла на перрон. Шел мелкий снег — даже не снег, так, подобие. Снег — это хлопья, или крупные резные снежинки, или нежный, невесомый небесный пух. А это не снег, а мартовские вредности.

Поежившись, Вера накинула капюшон и направилась к зданию вокзала.

Надо сказать, что и здесь, в здании вокзала, все изменилось.

На прилавке вокзального буфета стояли не бутерброды с подсохшим и скрученным сыром, а многослойные сэндвичи, обернутые в прозрачную пленку. И кофемашинка, нормальная, профессиональная, которая и мелет, и варит, и наливает. И запах кофе витает над залом. Вера потянула носом, и ей захотелось кофе. «Нет, здесь не буду, — решила она, — выпью в отеле».

Широко зевнув, сонная буфетчица проводила ее равнодушным взглядом.

На площади стояли три машины.

Вера подошла к первой. Внутри, надвинув полусевшую меховую ушанку на глаза, спал водитель. Будить его она не стала и подошла ко вто-

рой. Окно открылось, и она увидела хитрую, похожую на кошачью, физиономию.

— Куда вам, барышня? — осведомился молодой водила.

«Барышня», — Вера развеселилась.

— В центр, сынок. В отель «Пилигрим», знаешь такой?

Парень смутился:

— А кто ж, уважаемая, его не знает? Он у нас, можно сказать, эээх! Самая крутизна!

Вера усмехнулась: «Ну да, крутизна, можно себе представить».

Бросая на пассажирку осторожные взгляды, словоохотливый парень говорил не прекращая:

— С Москвы? По делам или так, поразвлекься?

Тут Вера от души рассмеялась:

— Ну да, поразвлекься! Лучшего места для развлечения не найти! Что у вас тут — зона беспощинной торговли, как в Андорре? А может, легальные казино? А Диснейленд вам, часом, не построили? Или обнаружили исторические места, важные реликвии, откопанный амфитеатр? Поразвлекься, ага. — Вера отвернулась, дав понять, что разговор окончен.

Но водиле было скучно. А главное, эта странная и резкая, совсем, как показалось на первый взгляд, немолодая тетка была ему, человеку опытному, непонятна.

Вроде и сапоги у нее дорогие, и дорожная сумка явно не из дешевых, и часы, а видок странный, покоцанный, смурной. А может, все подделка, с оптового рынка, поди отличи! А если и насто-

ящее, то тем более странно — бледная какая-то, уставшая. И едет в «Пилигрим». Может, командировка? Вряд ли. Командировочные к ним давно не ездят. Что здесь ловить? Нечего, кроме раков и мелких щук, и те вернулись недавно, спустя лет десять, как закрыли градообразующее предприятие, по-местному — камволку, камвольный комбинат. Видать, очистилась река, и рыба вернулась.

— А вы бывали у нас раньше? Или впервые? — по-светски осведомился он.

— Слушай, парень! — Вера повернулась к нему всем корпусом. — Хватить трюндеть. Хороший водитель — молчаливый водитель. Усек? Будешь молчать — найму тебя на разъезды, — смягчилась она. — Сколько пробуду в ваших краях — не знаю, надеюсь, что за несколько недель управлюсь. Платить буду нормально, не обижу. Но болтовня мне твоя не нужна! Короче, если принимаешь мои условия, по рукам. — И она посмотрела в окно: — Мы, кажется, подъезжаем?

Так и есть. На центральной площади, рядом с бывшим универмагом, стояло новое современное здание — гостиница «Пилигрим»: три этажа, стекло, широкое крыльцо, мраморные ступени, шикарная дверь, и — ну просто смех! — темнокожий швейцар в галунах и фуражке. Ох, насмешили. Ну почему мы всегда заимствуем глупости?

Надо же — и внутри все прилично: стойка ресепшен с живыми орхидеями, и тихая классическая музыка, и девица в белоснежной блузке, с минимумом косметики, скромным пучком,

бесцветным лаком на ухоженных ногтях. Европа, куда там.

Темнокожий швейцар, он же бой, донес Верину сумку до номера. В номере, уютном и совершенно не пошлом, наличествовал прилично наполненный мини-бар, на тумбочке две бутылки воды, на тарелке два мандарина, банан и ярко-красное блестящее, словно восковое, яблоко.

В душе присутствовало то, что полагается: хорошие, вкусно пахнущие полотенца, одноразовая мочалка и баночки с шампунями, гелями и прочим.

«Умеете, когда хотите», — подумала Вера. Но все еще впереди. Никакого оптимизма она не испытывала. Вот только интересно — кто хозяин этого «Пилигрима»? Кто так серьезно вложился, а главное — понадеялся, что эта история окупится? Или просто отмывают наворованное? Скорее всего. Схема проста — владеет гостиницей мэр или губерн, оформлена она наверняка на подставных, номера всегда пригодятся: вышестоящее начальство, коллеги с любовницами, банно-прачечные одноразовые девицы. Сауна в подвале, приличный ресторан, единственный приличный в городе. Там все и питаются — в смысле, сильные мира сего. И на приглашенного шефа не пожалели — куда девать бюджетные деньги? Вера бы не удивилась, узнав, что шеф итальянец или француз. Ну в крайнем случае с Балкан, но непременно со Средиземноморья. А как же, модно, а главное — кухня полезная.

Душ, чашка кофе, поиск риелтора и звонок другу, новому знакомцу Макс, водителю «ренош-

ки», — и вперед, Верпална, вперед и с песнями. Дела не ждут.

Через полтора часа посвежевшая и взбодрившаяся, в джинсах, свитере, темных очках, потому что в окно заглянуло вялое и бледное мартовское солнце, Вера стояла на улице. Лихо подъехал Макс на блестящей, вымытой и отполированной старушке «реношке».

Риелторское бюро — да-да, не контора, а именно бюро — находилось на соседней улице, но ехать надо было в объезд, раздолбанную дорогу в очередной раз чинили.

Вера смотрела в окно. Шумно стучала по подоконникам капель, набухали почки, а где-то осторожно, словно распеваясь перед концертом, пробовала голос ранняя весенняя птица, и сквозь темный осевший подтаявший снег проглядывала черная влажная земля.

Улица Механишина, первого директора камволки, по слухам, порядочного человека, улица Гоголя, переулочек Талалихина. Вера все помнила.

Их улица называлась Светлая. Да уж, куда там! Громко и совершенно беспочвенно. Светлая! Ничего на ней не было светлого, ничего. И вела она, кстати, на городское кладбище — мило, правда? Спасибо, что не Светлый путь.

Новые дома, построенные для работников камволки, находились на самой окраине, в десяти минутах от нового же городского кладбища. Впрочем, старое было прямо за новым, поди различи.

На старом лежала бабка Зина, отцовская мать, а дед Корней упокоился на скромном деревенском погосте. Вера отчетливо помнила бабкины похороны, а вот дедовские нет. Корней умер летом, когда она была на даче с детским садом. Но самого деда помнила хорошо, хоть и умер он, когда ей было пять лет. Вернее, помнила его запах — дед пах махоркой, кожей и сапожным клеем, так как был он сапожником, а на пенсии обувь чинил на дому, приговаривая, что копеечка всегда пригодится. Мама говорила, что дед Корней был скупым, всю жизнь копил и гнобил жену за чрезмерную расточительность — какая уж там расточительность, когда в магазинах ничего не было?

Бабка Зина сноху не любила, а кто любит снох? Это было не принято. Да и к внучке относилась так себе, называя ее «панфиловским отродьем», по девичьей фамилии матери.

«Странное дело, — иногда думала Вера, — бабка Зина прожила тяжелую жизнь. Коллективизация, голод, тяжкий деревенский труд и неустроенный быт, трое детей, один умер в детстве, пьющий и жадный муж, а потом выпивающий старший сын, забитая бездетная дочь, ранняя вдова. И вот приходит в твой дом невестка, совсем девочка, робкая, неумелая, зато послушная, тихая и очень влюбленная в твоего сына. А ты ее заранее ненавидишь! За что? Нормальная девочка из обычной семьи. Трудяга, старательная, бегаёт, суетится, варит щи, жарит блины, стирает белье, все терпит, молчит, не огрызается. Тихо плачет, и ты, свекровь, это слышишь. И знаешь, что сын твой

не сахар. И дочка твоя, золовка ее, жену брата ненавидит, потому что завидует. И родные ее далеко, за восемьдесят верст, к ним не наездишься, да и когда? Всю жизнь сноха твоя пашет на комбинате. Пальцы кривые, ноги больные. Рожает тебе единственную внучку, копию твоего сына. Живет тяжелее, чем ты, ты хотя бы жила в своем доме, а снохе достался холодный барак. А когда ты заболела, эта самая ненавистная сноха взяла тебя к себе. Ухаживала за тобой, старой, мыла, кормила с ложки, моталась к тебе в больницу. А ты ее по-прежнему ненавидела! Жаловалась на нее, помыкала ею. Попрекала, что она плохо смотрит за тобой. Но смотрит-то сноха. Не дочка твоя и уж тем более не сын.

А может, твой сын ее осчастливил? Карьера там, деньги, хоромы? Жизнь ненавистной снохе шикарную наладил, а ты завидуешь? Тебе не выпало, а этой заразе... Да нет. Ничего подобного. Сын твой наладчик станков, простой работяга. Зарплата неплохая, но половину он пропивает. Руку на жену поднимает, дочкой не занимается. Словом, обычный, нормальный, как считается, мужик. Такой же, как все остальные.

Но и она ведь нормальная и тоже как все остальные! За что ты ее, баб Зин? Ну да, перед смертью ты очухалась, дошло. Все за руки мать хватала, норвила поцеловать. Полюбила типа.

А как соседка зашла — так и поехало. И сволочь Галька, и зараза. И кормит объедками, и белье не меняет! Вера своими ушами слышала и с тех пор бабку еще больше возненавидела.

Но долгие годы пыталась понять — за что? За что та гнобила всю жизнь мать, за что ненавидела? Сама баба, сама горе мыкала. Пожалей, посочувствуй, пойми! А нет, так положено! И сыночка своего дурного всегда оправдывала — «Павлуша, Павлушенька».

А памятник Зинаиде, свекрови, ненавистная Галька поставила. Хреновенький такой, пестрый, из цементной крошки. Но хоть такой. Не сыночек Павлушенька, не дочка Светланка, а стерва Галька.

И ходила до последнего к свекровке на могилу, благо, что близко, вниз по улице Светлой. Никто не ходил кроме нее. И к Пасхе прибиралась, и к Родительской, и оградку красила, и цветочки носила. Дура. Вера так матери и сказала:

— Дура ты, мам! Я б к этой суке... Да за все, что она тебе сделала...

Галина Ивановна махала рукой:

— Брось, дочк! Все давно прошло и давно забыто. К тому же я ж Павлушу любила. Вот поэтому и хожу. А как не ходить? Не по-людски это! Да и родня они мне. Семья.

О господи — семья! И зря, что забыто — Вера бы не забыла. Ни за что бы не забыла и не простила. Павлушу она любила! И Вера любила. В детстве. А когда предал их — разлюбила. А мама, кажется, нет.

На лето маленькую Веру отправляли к старикам в деревню. Ехать она не хотела, но до поры родителей слушалась. А в десять лет взбунтовалась — уперлась насмерть: не поеду к бабке Зине — и все. Потому что ее ненавижу.

Бабка и вправду к внучке была равнодушна. Покормит чем есть, никаких бабушкиных пирожков и блинчиков. Хочется сладенького? Иди в сад, сорви яблоко. Не хочешь? Пооди ж ты, цаца какая! Конфет хочешь, вафель? А перебьешься! Куда на мою *пензю* шоколад покупать! А мать твоя рубля не дала, тяни, баба Зина, сама!

В выходной приезжала мама, и Вера просила ее забрать.

— Терпи, — вздыхала Галина Ивановна. — Не обижает — уже хорошо. А то, что неласковая и вредная... Ох, дочк! Так это ж характер. Она и меня терпеть не может, сама знаешь... Терпи до середины августа, Вер! Что в городе-то? Во дворе болтаться с ключом на шее? Не, дочк, все-таки здесь воздух, лес, речка — природа.

Природа была, говорить нечего — и лес Вера любила, и шустрюю речку. И полное васильков и ромашек поле за домом. Какие из них получались венки — загляденье, а не веночки! Жаль, вяли быстро. А малина на солнечном косогоре? Невозможно пахучая и невероятно сладкая, правда, и руки, и ноги обдерешь, и лицо. И земляники по краям поля было полно на светлых, усыпанных прошлогодними иголками опушках. И как она пахла! Вера собирала букетики с ягодками и засушивала для мамы. Ягоды собирала на травинки — выбирала подлиннее и погибче — и нанизывала ожерельем.

И кино в деревню привозили, правда, пару раз в месяц, да и то старое, сто раз виденное, но все равно радость и развлечение. И за горохом на

дальнее поле ребятня моталась. Шли не с кульками — с наволочками! Набирали полную, да еще и пообедали до желудочных колик — так вкусно, разве остановишься. Сладкий и нежный был молодой горошек, вкуснее конфет!

Грибы начинались в июле. Вера была знатным грибником, мимо не пройдет, все увидит, ничего не пропустит. Бабка Зина томила сыроежки и лисички в печке с картошкой в глиняном почерневшем горшке, а в конце кидала стакан жирной домашней сметаны. Какая же это была вкуснота!

Бабка и сама грибы собирать любила и толк в них знала, но ходила по осени, за груздями и опятами, брала только на засолку, грибы, кроме боровиков, не уважала и называла мусором: «Опять корзину мусора приволокла? Хочешь жареху — садись и чисть! А у меня и так дел по горло!»

Дел и вправду было по горло: огород, куры, кабанчик, коза.

Это потом все постепенно исчезло, сначала померла старая, давно не дававшая молока коза Дуська, потом зарезали кабанчика Петьку, и больше бабка животину не заводила — тяжело. Кур еще держали, но и их зарезали. А когда бабка Зина заболела, избу закрыли и перевезли ее в город, досматривать.

Со временем дом в деревне продали и купили отцу мотоцикл. На нем он и свалил к новой жене, старой маминой подруге Лариске Купцовой. Вот тогда Вера отца окончательно разлюбила.

Риелторская контора встретила запахом растворимого кофе и разогретой капусты. За столом сидели две девушки, как две капли воды похожие друг на друга — явно сестры. Одна пила кофе с булочкой, а вторая ела тушеную капусту из пластиковой миски.

Увидев Веру, брезгливо сморщившуюся от ненавистного запаха, сестры смутились и принялись суетливо освобождать рабочий стол. Надев дежурные улыбки, представились, Маша и Наташа, сотрудницы бюро «Уютный дом».

«А нельзя было как-то попроще? Где здесь уютные дома, где? Покажите! Ни одного! Как не было, так и нет», — раздраженно подумала Вера. В центре несколько старых кирпичных строений, отданных под банк, офисы, магазины и прочее. А дальше частный сектор и пятиэтажки, за которыми гнездятся огороды и дачки, хилые, сколоченные наспех, слепленные из того, что было, насквозь продувные. Не жилище, а сараи для грабель, ведер и лопат. За ними поля, а потом начинаются деревушки. Наверняка полупустые — молодежь давно рванула в города, а стариков почти не осталось.

Нет, есть пара новых домов, отстроенных за последние десятилетия, есть. Вера знала, что там получали жилье ответственные работники и те, кто сумел жилье купить. Вот интересно на них посмотреть. Кто мог купить квартиру в новом доме? Если только восточные мужчины, торгующие на базаре или владеющие магазинчиками и постепенно оседающие в скучном и пыльном среднерусском городке. Новые хозяева жизни.

Как и везде, по всей России, эти восточные орлы, старательно позабыв о семьях на родине, быстро создавали новые семьи, женились на русских женщинах, рожали новых детей, покупали квартиры и навсегда оседали на здешних землях.

— Продать? — переглянувшись, переспросили изумленные девицы. — Двушку на Светлой?

Вера кивнула:

— Двушку. На Светлой. Да, девочки. Ну не на Манхэттене же!

Одна из девиц открыла компьютер, другая принялась рассматривать Верины бумаги. Предложили кофе, но растворимый Вера не пила. Нет, она не выпендривалась, просто от растворимого болел желудок. А вот Макс от растворимого, приправленного пятью ложками сахара, и от печенья не отказался.

— Завтра дадим рекламу, — важным голосом объявила Наташа. — Вы там проживаете? В какие часы можно показывать?

Вера вытащила ключи и положила их на стол. Связка жалобно звякнула.

— Я там не проживаю. Показывайте в любое время. И еще — тридцать процентов от цены сбрасывайте сразу! Демпингуйте. Времени у нас мало, хотелось бы за неделю управиться!

— А вы наклейте на подъездах объявления, — посоветовала Маша. — Знаете, как бывает — кто-то для детей ищет, кто-то для родителей.

— Милая, — нежно сказала Вера, — вы *мне* предлагаете расклеивать объявления? Мне, вашему клиенту?

Растерянные сестрички испуганно переглянулись.

— Э, нет, — продолжала Вера, и в ее голосе уже не было напускной вежливости. Только металл. — Расклеивать будете вы. На домах, подъездах, у черта на заднице! Повторяю — вы, а не я! Вы меня поняли?

Девушки дружно закивали.

— А что квартира? — осмелилась Маша. — Ну, в смысле, в каком состоянии?

Вера вздохнула. «Господи, за что мне все это? Этот город, эта квартира, эти девушки? Вопросы эти дурацкие?»

— Так, девочки, — жестко сказала Вера, — ключи в зубы и вперед, на улицу Светлую! Объявления напечатайте, клей купите. И хватит вопросов, давайте к делу. Повторю — времени у меня не просто мало — его у меня нет! Я все подписала? Вы все проверили? — Вера направилась к выходу. У двери она обернулась: — Убитая квартира, девочки. Совсем убитая. Не жили в ней кучу лет. Но она и до этого была дерьмо дерьмом, если честно. Только это ничего не меняет. Я продаю, а кто-то покупает. На каждый товар есть купец. В общем, жду вашего звонка.

На улице было сыро, промозгло. Скорее бы в гостиницу, под теплое одеяло. Вера глянула на часы — ого, половина второго! Ничего себе проторчали в «Уютном доме».

«Ладно, в гостиницу, — с тоской подумала Вера, — и сколько дней мне придется здесь проторчать?»

— Вера Пална, — осторожно подал голос Макс, — а можно один вопросик?

— Можно и два, — усмехнулась Вера, — валяй, не робей!

Шустрый водила совсем стушевался:

— Я насчет квартиры, Вера Пална! Мы с родителями живем. Ну с тестем и тещей. Не скажу, что люди плохие, не, не скажу. Но все равно тяжело. Теща болтает без умолку, Инку мою теребит. Короче, цепляются они. А тесть, — Макс посерьезнел, нахмурился, — мужик хороший, но... малость отбитый. После ранения. Иногда ничего, а иногда... Иногда клинит.

— Макс, давай без подробностей? — попросила Вера. — К сути давай, если можно.

— Ну да, извините. Короче, мы с Инкой о своей квартире подумываем. Денег, конечно, нет, но мы копим, стараемся.

Вера молчала. Понятно, к чему клонит. Робеет, неловко ему, и это понятно.

— Короче, Вера Пална, — осмелел он. — Если вы отдаете так дешево — может, нам отдадите? Ну раз такая скидка? Может, это судьба? — И Макс нервно и смущенно рассмеялся.

— Не знаю, Макс. Судьба — не судьба, — равнодушно ответила Вера. — Да, цена низкая. Но ниже не опускаюсь. Я давно в бизнесе, и есть какие-то вещи, ну, ты меня понял. Ты мне не родственник, не сын и не брат. Устраивает — бери. Нет — извиняйте! Я не благотворительный фонд помощи молодым семьям и не святая. Подумай и дай ответ. Желательно завтра. Прикиньте, поговори

с семьей. Девки-то тихие, но могут спугнуть — гляди и себе возьмут или предложат своим знакомым. В общем, право первой ночи у тебя. А там — как получится.

— Конечно, Верпална. Прямо завтра с утра, ага, — возбужденно затарахтел он.

У гостиницы Вера вышла.

На вопрос, во сколько подать машину, ответила:

— Позвоню, Макс. Не переживай. Сиди и жди, работа есть работа.

Тот радостно закивал. Вот так. А что, милый? Думал, просто так с неба тысячи валяются? Мне тоже просто так ничего не доставалось. Сиди и жди. С семьей беседуй. В общем, не расслабляйся. Удача — птица хрупкая.

«Вредная я, — подумала Вера. — Нет, сказать, чтобы отдыхал до завтра. Сегодня я точно никуда не поеду. Да и куда тут ехать, господи... Я и так тут в центре вселенной — в гостинице “Пилигрим”».

Кстати, ресторан на удивление оказался вполне ничего, на хорошем столичном уровне. Ну да, городские шишки делали его под себя. И солянка была неплоха, и котлета по-киевски. И клюквенный морс не из концентрата, а точно из ягод, пусть и замороженных, но со своих родимых болот.

Меню из прошлого века: бефстроганов с картофельным пюре, свиная отбивная, солянка, рассольник. Медовик и наполеон. Но все свежее и вкусное, аутентичное, как принято говорить.

Едят то, к чему привыкли. Зачем им устрицы, гребешки и минестроне? Правильно, незачем.

После сытного обеда и ресторанного тепла захотелось спать. «Ну и прекрасно, — подумала Вера, — будем считать, что у меня такой внеплановый отпуск. Здесь, в гостинице, если не смотреть в окно, вполне комфортно. Вот и не надо смотреть и думать, где ты находишься. Да и вообще иногда хорошо ни о чем не думать. Только не получается. Ладно, спать, а потом мама, Татьяна, звонки. Но это потом».

Ни о чем не думать снова не получилось. Легла, позевала, а сон все не шел. Зато повалили воспоминания. Те самые, от которых она все эти годы бежала.

Отчий дом, родные берега, трава у дома...

Нет никакой ностальгии. Счастьем было уехать отсюда. Свалить, сбежать, улизнуть, удрать, смыться. Или так — уползти.

Потому что сил бежать у нее не было.

Так жили тысячи и сотни обычных людей, что она придумывает? Провинция? Да, провинция. Но есть и поглубже, позабористей, глуше, есть совсем медвежьи углы, куда только на вертолете или на вездеходе. И всюду люди живут. А здесь нате вам — поездом, автобусом, автомобилем. Дорога в столицу. Рабочий район — а что тут такого? А где должны жить обычные советские люди, работающие на предприятиях? Тоже мне, принцесса крови Вера Кошелева! И почему, собственно, ты должна была родиться в другом месте?

Ты родилась там, где положено. Чем ты лучше других?

Барак Вера едва помнила. Помнила холодный сортир во дворе и ночное ведро у двери — зимой во двор не набегаешься. Общую кухню в бараке тоже помнила — длинную, узкую, с двумя плитами в ряд. Мама говорила, что газ — это счастье, раньше готовили на примусах. И вонь керосиновая, и медленно, хоть ты тресни, щи за два часа не сварить.

Мыться ходили в баню, банный день суббота. После бани мужики выпивали и закусывали — летом на улице, во дворе, зимой на кухне.

В баках кипятилось белье, и влажный, перемешанный с запахом хозяйственного мыла пар заползал в комнаты.

Дети, сопливые, кашляющие — в бараке, как ни утеплай, дуло из всех щелей, — играли в длинном полутемном коридоре, на потолке болталась пыльная лампочка Ильича.

На праздники, октябрьские, новогодние, майские, гуляли. Женщины пекли пироги, жарили котлеты, резали винегрет и накрывали столы. Летом на улице, зимой, опять же, на кухне. Так же справляли дни рождения, поминки, свадьбы. Сыто, пьяно, громко, с непременноми скандалами и короткими мордобоями. Жизнь. А потом стали строить дома на Светлой. Вот это была радость! Женщины ежедневно бегали смотреть, сколько выросло этажей: один, два, три. Значит, скоро! Потом выдали ордер и ключи, и мама заплакала. Да все плакали. Плакали от счастья.

Говорили — теперь заживем! Переехали, но по сути ничего не изменилось. Так же толкались за крупной и мороженой рыбой, мотались в столицу за колбасой и лимонами, вешали во дворах белье, сплетничали, цапались, дружили. Мужики забивали козла и пили пиво, мальчишки лазали по деревьям и били окна, а потом били мальчишек.

Девчонки закапывали во дворах секретик, прыгали через резинку, врали по мелочам, сплетничали, хвастались — в общем, жили. На балконах стояли ведра с заквашенной капустой, по осени на огородах за домом копали картошку, отбирали у мужиков зарплату, мечтали о ковре на стену, хрустальной вазе, зимних сапогах.

Обычные люди, обычная жизнь.

Отец загулял, когда Вера перешла в восьмой класс.

Вера слышала, как плачет мама, видела, как злится отец, и чувствовала: их ждет что-то плохое и страшное.

Скрутился отец с маминой подружкой тетей Ларисой, разведенкой. Худая, нервная, точнее вздернутая, тетя Лариса была моложавой и симпатичной. Особенно на фоне остальных женщин за сорок, обабившихся, располневших, неухоженных, с мелкой химической завивкой на волосах, красными стекляшками в ушах и облупившимся маникюром — какой уж тут маникюр, когда вечно на кухне или в огороде? В сорок женщины выглядели на пятьдесят. А Лариска была стройна и моложава, детей у нее не было, а два неудачных

брака были. Женщины ее снисходительно жалели — одинокая и бездетная, уже полубаба.

Дуры тетки. Уж кого надо было бы пожалеть — так это их, замужних и имеющих детей! Что за жизнь была у этих женщин? А Лариска жила для себя. Служила она в бухгалтерии комбината, хоть и не главный бухгалтер, а птица важная. И работа у нее была чистая: тычь себе наманикюренными пальчиками в счетную машину и чаек попивай.

К тому же Лариска была большой модницей и за тряпками ездила в Москву, в магазин ГУМ, где продавали самое вкусное в мире мороженое.

Почему мать с ней подружилась, что у них было общего? Да ничего. А нет, не так: какое-то время у них был общий муж, Верин отец.

Жила Лариска в соседнем подъезде, в однокомнатной, выданной комбинатом, квартире. Мать туда бегала «попить кофейку», и после визита от нее пахло коньяком и сигаретами.

Отец злился, скандалил, поносил «эту шалаву белобрысую», то есть Лариску, последними словами, а потом... потом к ней ушел.

Кроме боли, унижения и обиды был еще стыд — на глазах у всех, у всего дома и всего комбината! Да еще и тут, под самым носом! Хуже позора не придумать.

Вера помнила, как мама тогда похудела. Килограммов на десять, не меньше. Не ела, не пила, только страдала.

Поддерживали ее соседки и старые подружки по комбинату. Старый друг лучше новых двух. Эх,

мама! Куда тебя утащило? Какой кофеек, какой коньячок?

Мать и жалели, и осуждали — сама виновата, указала своему мужику дорожку! А нечего было с *этой* дружить, не нашего поля ягода.

Нечего, верно. И не нашего поля, тоже верно. И сама виновата. Только сердце у Веры рвалось на куски, когда она видела, как страдает мама. И тогда поклялась — все сделаю, а мама будет счастливой! Самой счастливой на свете! Правда, как это сделать, Вера не представляла. Ни плана «А», ни плана «Б» у нее не было.

С отцом она общаться категорически отказалась, а завидев его на улице, сворачивала в другую сторону.

Однажды Лариска ее подловила и елеиным голоском заверещала:

— Ой, Верунечка, заходи в гости, папа переживает.

Ну и так далее. Всякое, дескать, в жизни бывает, но плохой мир лучше доброй ссоры. Вера ответила грубо:

— Не нужен мне ни ваш плохой мир, ни добрая ссора. Ничего мне от вас не нужно! Видеть вас не могу!

— Ласковое тебя двух маток сосет, — крикнула ей вслед Лариса.

Не оборачиваясь, Вера бросила:

— А не пошла бы ты вместе со своим муженьком!

Когда закрыли комбинат, отец с новой женой уехал на север на заработки. И это было для Ве-

ры счастьем — теперь, выходя из подъезда, она не оглядывалась, боясь повстречаться с ним или его новой женой. Но, пожив на севере несколько лет, они все же вернулись. Счастье, что Вера уже была далеко.

Потеряв работу, поникла и мама — как жить, на что? Настали смутные, дикие времена. Бывшие одноклассники, обыкновенные мальчишки, превращались в гопоту и бандитов. Странное дело — разбойничать в Энске было особенно негде, да и крышевать тогда было почти некого — разве что по мелочи. Пара-тройка ларьков со всякой всячиной — вот и весь бизнес. Но все же создавались группировки — так важно они себя называли. Какие уж там группировки. Обычные мелкие банды: ограбить случайного прохожего, вскрыть магазин или ларек, отобрать скудный заработок у бабок на рынке, ну или наехать на черных — так, а зачастую куда хуже, называли прибывающих в город кавказцев. Впрочем, скоро и те, пришедшие, захотели себя защищать и создавали свои группировки.

А через какое-то время куча мелких шаек пропала: кто-то сел, кто-то уехал, а кого и похоронили. На кладбище за Вериним домом разрастались новые захоронения, бандитские, и вот там кореша изгалялись в меру своего вкуса и финансовых возможностей — памятники ушедшим бойцам ставили дорогие, богатые, с пафосными эпитафиями и с бандитскими атрибутами в виде толстенных золотых цепей на шеях усопших,

здоровенных печаток на пальцах, выгравированных силуэтов «мерседесов» на заднем виде и пачки «Мальборо» на переднем. Все это было смешно и дико, с портретов смотрели бывшие одноклассники или соседи, зеленые пацаны, не попробовавшие жизни. Зато теперь они считались героями. На их могилы приходили родители — заплаканные женщины в черных косынках, с трудом держащие себя в руках мужики, их отцы и матери, растерянные, ничего не понимающие. За что погибли их дети? Ладно б война, Афганистан или что-то подобное, но так вот, быстро и запросто? Матери прибирали могилы, сажали привезенные с дачек цветы, разговаривали со своими сыновьями, а отцы, мужики закаленные, прошедшие многое, в том числе и советскую армию, нервно курили и втихоря смахивали слезу.

Стали появляться и незнакомые прежде слова и выражения: «забить стрелку», «фильтровать базар», «кидала», «терпила», «бомбила», «крыша» и «наезд», «по беспределу» и «включить счетчик», «кинуть ответку» и «сделать предьяву». Новый сленг так вошел в обиход, что им стали пользоваться не только бандиты.

Спустя некоторое время сферы влияния были поделены, то есть определены, и в городе наступила относительная тишина. Впрочем, и эта тишина иногда прерывалась — разборки между бандами случались, не без этого, и огромный пустырь неподалеку от нового кладбища стал местом стрелок, где зачастую слышались выстрелы.

В те годы и образовалась банда Геры Солдата, известного в городе человека, ходившего в армейских сапогах на шнуровке, за это получившего и прозвище. Впоследствии выяснилось, что ботинки были американские, а точнее — обувь служащих американских военных подразделений, доставшиеся Гере по большому благу.

В городе Гере знали все — личность известная, можно сказать, легендарная. Две ходки по малолетке, несколько лет в Подмосковье, возле какого-то авторитета. В родной Энск Герман приезжал с шиком, как и положено, — старая гремющая «БМВ», спортивный костюм и, разумеется, *голда*: золото, браслет в полруки, цепуха на шее, ну и котлы, в смысле часы.

До восьмого класса Герман учился в той же школе, что и Вера, но в конце учебного года его *приняли*, и он ушел по малолетке, чрезвычайно обрадовав этим учителей, директора и, кстати, ребят. Школа облегченно выдохнула.

Вера помнила худого, жилистого красивого подростка со злым и внимательным взглядом. Успевал Герман только по физкультуре и был любимчиком туповатого физрука.

— Гера! — улыбался во все золотые коронки физрук. — Ты красавица! Далекое пойдешь, вот увидишь!

Как в воду глядел физрук — любимый ученик и вправду пошел далеко: сначала на зону, потом набираться опыта к старшим товарищам, а уж после приплыл к родным берегам.

В городе Германа встретили настороженно. От его дымящей и грохочущей «бээмвухи» ша-

рахались, при встрече с ним отводили глаза. Поползли сплетни, что Герман собирает новую банду, что в столице у него покровители и что совсем скоро в городе будет новый хозяин — Гера Солдат.

Старый хозяин города, директор комбината, когда-то крупная шишка, в новое время не вписался и тихо спивался на даче.

Странное дело — девицы всех возрастов мечтали попасть к Герману в подружки, словно он был наследным принцем и будущим королем. А вообще-то так и было — королем города Гера стал, хозяином тоже. По сути, девицы были настроены правильно, только мало кто понимал, что эта «романтика» имеет весьма определенный и довольно предсказуемый конец.

Поначалу Гера Солдат квартировался у Райкирыжей, продавщицы из центрального универмага, в прошлом личности важной и известной — на поклон к Райке ходили избранные. Райка, худощая, ярко-рыжая и по-кошачьи зеленоглазая, красивая, но страшно скандальная, имела дурную славу не только по части спекулятивной, но и личной, женской — первый муж сидел много лет. По первости нагруженная сумками Райка почестному моталась на свиданки. Ну а потом перестала, нашла себе нового мужа. Тот не работал и жил за ее счет. Пил, жрал и погуливал. Драки там были кровавые, народ Райку жалел — не повезло.

А спустя несколько лет вернулся Райкин первый, сиделец. Тот разобрался по-быстрому — при-